

ЗАСЛОН

Литрес

Грифели

Наталья Самойлова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Самойлова

Грифели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69291697

SelfPub; 2023

Аннотация

Мика, Аня и их друзья – самая быстрая бригада в ЗАСЛОНЕ. В деле ремонта солнечных батарей им нет равных. Но что делать, если в ремонт солнечных модулей на планете Гепта решили вмешаться местные птицы. Кто сумеет разгадать загадку – инженеры или биологи?

Наталья Самойлова

Грифели

Когда это произошло в первый раз, никто из нас не напугался. Наоборот – многим было смешно.

Это случилось в конце третьего дня вахты. Мы тогда прошли восемьдесят две панели из двухсот, и были ужасно горды собой. Конечно, сравнение было не совсем честное. В первые дни со свежими силами всегда работается проще. Да и начинаем мы всегда с краев.

Но даже с учетом этой поправки было ясно – мы снова идем с опережением графика.

Техобслуживание солнечных модулей – работа важная, сложная и даже немного опасная. А еще – скучная-скучная-скучная. В ней миллион мелочей, и нельзя забывать ни про одну. Песок надо счищать мягкой полимерной губкой. Движения – смахивающие, от центра панели к краям. Ни в коем случае не давить на губку – иначе можно поцарапать поверхность. Антирефлекторный слой наоборот надо обновлять сначала в по краям панели, и только потом в центре. Но хуже всего – следы от града и мелких метеоритов. Здесь, на Гепте, метеоритов к счастью, нет, а вот град бывает регулярно. В этом случае надо долго водить ползучим токоприемни-

ком по всем секторам, искать места повреждения. Потом аккуратно запаивать эти крошечные дырочки. И снова ползать с токоприемником, проверять, что все нормально запаялось.

В общем, да, эта работа не каждому подходит. И я всегда гордился тем, что моя бригада справляется с ней лучше и быстрее всех. Когда прошлой весной на Меридиане погас целый сектор, никто вообще не верил, что его удастся снова запустить до сезона пыльных бурь. Но отправили нас, и мы справились за рекордных семнадцать дней.

«Бригада номер восемь – самая быстрая в ЗАСЛОНЕ. Знаете, почему мы такие? Потому что мы не торопыги. Потому что мы скучные и внимательные. Потому что мы всегда сосредоточены. У каждого из нас в голове тысячи мыслей, но мы умеем оставлять их на базе. Умеем думать только о наших модулях».

Я произносил эту речь перед каждой вахтой. Новички слушали меня, открыв рты. Старички закатывали глаза и даже подталкивали друг друга локтями. Мол, посмотрите на него, опять разошелся.

Но я знал, что на самом деле им всем нравилось быть самой быстрой бригадой.

Ну а кому бы это не понравилось?

Так вот, когда это случилось, мы шли домой после рабочего дня, и настроение у всех было приподнятое. Ребята на-

чали перешучиваться в голосовом чате, еще пока сматывали временный кабель. А по пути к станции даже песни пели. Конечно, «путь к станции» – это громко сказано. Надо было пройтись всего метров четыреста. Но шли мы медленно, потому что тащили много оборудования. Ну и гравитация на Гепте побольше земной, да.

Грифеля мы не то, что не заметили. Скорее – сначала не обратили на него внимания. Этим товарищам мы уже видели, и здесь, и на Южной базе, когда делали первые тренировочные выходы. Привыкли, что бояться их не надо. Они были неопасные, на людей никогда не нападали.

Грифели – это, конечно было неправильное название. Его придумал Мика.

Существа эти представляли собой летающих теплокровных размером с крупную овцу. Они имели красивое серо-фиолетовое оперение и исключительно хорошо умели парить, совсем как наши земные грифы. В то же время головы у них были другие – вместо загнутого клюва короткий треугольный, напоминающий клюв пингвина, но с более широким основанием. Из-за этого формой головы грифели немного напоминали карандаш.

Отсюда и пошло название.

И вот, когда до базы оставалось метров сорок, один из

грифелей внезапно стал снижаться. Он завис прямо над нами, мы отлично его видели. Все немного растерялись, но не то, чтобы сильно. Ребята задирали головы, кто-то включил фронтальную камеру и попытался заснять «птичку» вид снизу.

И в этот момент из клюва грифеля что-то выпало. Или правильнее сказать – вылилось?

В общем, неважно, как правильно сказать. А важно, что попало это точнехонько на шлем Джуна – одного из наших новичков.

Джун испугался, затряс головой, замахал руками. Потянул руки к шлему, так что сразу вымазал и перчатки с рукавами. Жижа (зеленовато-желтая, густая, как мед) потекла ему еще и на спину. Все растерянно смотрели на Джуна. Грифель тем временем поднялся повыше и спокойно улетел.

– Эй, ты в порядке? – спросил я.

– Кажется, да, – голос Джуна в динамике был удивленный, но, в общем, бодрый.

И тут же голосовой чат словно взорвался. Все заговорили наперебой.

– Джун, тебе не горячо? Скафандр цел?

– Что это было? Кто-то понял?

– Я тоже не знаю.

– Боевое крещение!

– Да это она пометила тебя! Счастливым будешь.

Джун чувствовал себя совершенно нормально. Правда жижа залепила ему все окно обзора, и он почти ничего не видел. К базе пришлось вести его под руки.

Если честно, сначала я надеялся, что это всю эту жижу просто всосет в шлюзе. Ну а дальше, как там в той песне – нет жижи, нет проблем. Мы про нее забудем и больше не вспомним.

Но не тут-то было. Жижа оказалась какой-то невероятно липкой. Я даже включил «воздушное лезвие» на полную мощность и жестами показал Джуну, чтобы он под ним постоял, но это тоже не помогло.

На выходе из шлюза нас встретила Аня. Она про наши успехи с модулями не знала. На Джуну посмотрела очень хмуро.

– Привет, а это у нас какая-то ерунда от грифелей. Почистишь его?

– Почищу, конечно. Но я не уверена, что получится, раз даже лезвие не справилось.

– Может, попробовать размочить? В растворителе каком-то?

Аня не ответила, но посмотрела на меня своим фирменным «Не-учи-меня-делать-мою-работу» взглядом.

– У нас же есть запасные скафандры, – сказал я примирительно.

– Да, у нас есть запасные скафандры, – кротко ответила Аня. – Я посмотрю. А ты, может быть, сходишь к Мике, узнаешь, что это за жижа. Вдруг она вообще опасна?

Она была умница и никогда не спорила со мной при ребятах. Понимала, это не дело, когда старший кибертехник чуть что ругается с капитаном группы. Даже, если этот капитан – ее родной брат.

Так что я оставил Джуна на растерзание Ане и пошел к Мике. К нашему бедному Мике, который уже третий день вел неравный бой со слизнями.

Станцию нашу поставили здесь та же команда, которая устанавливала солнечные модули. Это было почти два года назад. С тех пор на ней постоянно никто не жил. Время от времени приезжали экспедиции геологов-разведчиков, а в прошлом феврале на станции жила такая же ремонтная бригада, как наша.

Вкопались солнечные инженеры хорошо, станция стояла крепко, любо-дорого смотреть. Но полную биоблокаду они не сделали. Поэтому вокруг станции осталось много всякого.

В почве – слизни, на стенках снаружи – грибок, в вентиляции – местные амёбы и другие простейшие.

Все это хозяйство и получил в наследство Мика, как наш медик-биотехник.

Со слизнями отношения у него особенно не складывались. Еще в первый день он обработал почву вокруг станции ультразвуком. Все земные слизни от такого разбежались бы моментально, но этим было все нипочем. Нейропаралитические пестициды их тоже не брали, как и низкие дозы ультрафиолета типа В. Мика пришел ко мне и спросил, можно ли использовать высокие дозы ультрафиолета типа В, но я сказал, что пока нельзя. Мика ответил, что, когда нас всех сожрут слизни, я жестоко пожалею о своей ошибке, но, его дело – предупредить. Я спросил, неужели никак нельзя обойтись без высоких доз ультрафиолета. Мика, сказал, что он попробует, но шансы на успех ничтожно малы.

Это все было утром третьего дня – накануне нашей первой встречи с жижей. Поэтому ничего хорошего от разговора с Микой я не ждал.

Он оказался у себя за терминалом. Сидел и печально смотрел на фотографию слизня в разрезе. Одной рукой что-то записывал в журнал, другой доставал из пакета чипсы. Хотя есть чипсы на базе я запретил, да и картинка на экране была не то, чтобы очень аппетитная.

– А, это ты. Привет, – сказал Мика своим самым скорбным голосом.

Но жиге он внезапно обрадовался, чуть не подпрыгивая, побежал включать хромасс. Видимо, хотел хоть немного отвлечься от своих слизней.

Мик включил прибор, приготовил раствор жижи и заколол его в хромасс. По экрану поползли пики, мне стало скучно, я стал смотреть в окно.

Там было еще довольно светло. Серо-фиолетовые барханы все так же уходили куда-то к горизонту и там незаметно превращались в холмы. Все здесь было какое-то серо-фиолетовое.

И барханы, и грифели.

Через десять минут хроматограмма доснялась, и Мика даже соизволил объяснить мне, что все эти пики означают. Жижа оказалась в общем-то не едкая. Очень славная была жижа: всякие сахараиды, и короткие пептиды, и зачем-то немного силиконов.

Мика оживился, и стал мне рассказывать про эти самые силиконы, и про то, почему их так много. Потом он как всегда незаметно для меня перешел на теорию неуглеродной жизни Арнольда. Точнее на то, почему эта теория – полнейшая чушь. Опомнился я, когда он уже включил 3D-симулятор, и стал мне показывать на экране, как хорошо гнется углеродная аминокислота и как бы плохо гнулась кремниевая аминокислота. Он так разошелся, как будто я был этим са-

мым Арнольдом, и это меня надо было переубедить во что бы то ни стало.

– А это точно неопасно? – сказал я, воспользовавшись короткой паузой.

– Что?

– Слизь, говорю, неопасна? Для людей?

– А.. Да нет, с чего бы. Ну, пептиды можно еще покрутить на ПЦРе, – ответил Мика немного обиженно, – А потом прогнать симуляцию на шилди. Но для ПЦР побольше проба нужна, граммов пять хотя бы. У тебя больше нет?

– На шлеме еще осталось. Сходи к Ане, она тебе даст, – сказал я сурово.

И Мика сразу сник.

С Аней они не ладили еще с курсов переподготовки. Из-за чего, я, если честно, так и не понял. Микин сосед Олег говорил, что будто бы на курсах Мика за Аней ухаживал., а она его отшила. Да не просто отшила, а как-то особенно обидно для Микиной гордости. А вот Дайдо, которая работала с Аней в лаборатории, ничего про свидание не знала. По ее словам, все дело было в проводящем стекле, которое Мика взял у них и разбил.

Сама Аня этот вопрос не комментировала. Мику я даже спрашивать боялся.

Я заставил Мику пообещать, что он завтра же с утра первым делом ходит к Ане за остатками жижи и запустит полное исследование. Он взял голубой стикер, крупно написал на нем «ОБРАЗЦЫ – АНЯ» и приклеил над своим монитором. Потом со скорбным лицом пожелал мне спокойной ночи и вернулся к своим слизням.

А вот на следующий день началось веселье.

Грифели появились с самого утра. Первый парил над площадкой еще до того, как мы пришли, потом появился второй, а часов в восемь – третий, чуть поменьше и с более темным оперением. Они висели в небе почти неподвижно, только темный иногда делал над площадкой большой круг, закладывая красивую низкую дугу над барханами.

Из-за этого ребята никак не могли начать нормально работать. Да и вообще обстановка сразу стала напряженной.

Чтобы прекратить это безобразие, я решил выстрелить в небо из минизельки. Это возымело эффект, хотя и не беше-

ный. Два грифеля улетели, третий поднялся повыше.

Рассматривать их стало совсем неудобно, и работа хоть как-то пошла. Хотя до скорости первого дня нам было далеко.

Но через час улетевшие грифели вернулись, и началось форменное безобразияе.

Один из вернувшихся сделал круг над площадкой и стал снижаться – так же, как и вечером накануне. Там на площадке как раз был Джун, в старом сменном скафандре (его испачканный скафандр Аня пока не отчистила).

Джун, видно, испугался грифеля. Бросился на землю, прикрыл голову руками. Но грифель как ни в чем не бывало пролетел мимо Джунa. Завис, а потом открыл клюв и сбросил жижу на Джунова напарника – Эда.

И пока мы приходили в себя, маленький темный тоже снизился и сбросил жижу на еще одну новенькую – Полину. И самое ужасное, что немного жижи попало даже свежеччищенный солнечный модуль! Модуль сразу погас.

После этого все грифели поднялись и улетели.

Работать после такого все равно никто не мог, так что я скомандовал всем возвращаться на базу. А там тоже никаких хороших новостей для нас не было. Аня сказала, что полностью отчистить скафандр Джунa она не смогла даже абразивной бумагой.

Мика встретил меня с еще более трагичным и загадочным видом.

– Я дал остаток жижи слизням, – сказал Мика тетаральным шепотом, – И они все умерли!

– Зачем?

– Откуда я знаю, зачем. Просто умерли и все.

– Да нет. Зачем ты им дал?

– Я подумал, что надо испытать ее на ком-то. Проверить на токсичность. А кроме слизней у меня здесь никого не было.

Вечером, мы втроем – я, Мика и Аня – собрались на совещание.

Почти сразу стало ясно, что вариантов у нас немного. А точнее – всего два.

Первый вариант – начать стрелять из миниэльки уже на поражение. Второй – написать на базу и признаться, что поставленную задачу мы выполнить не можем из-за того, что в нас плюются жижей серо-фиолетовые птицы.

Аня была однозначно за второй вариант. Я – однозначно за первый. Мика метался между нами.

Вообще, стрелять он не любил, особенно по умным и кра-

сивым животным. Да и вообще – чаще выступал за мирное решение. Но, видимо, согласиться с Аней было выше его сил. А может, сказались четыре дня борьбы со слизнями, не знаю.

– Мы не можем принимать такое решение сами, без разрешения с базы, – сказала Аня. – Никто пока не знает, насколько велика популяция. А если мы нанесем невосполнимый урон? Это попросту непрофессионально. Мика, что ты молчишь? Это ты должен говорить, а не я. Кто у нас биолог? Мика сердито покосился на нее, но отвечать не стал.

Он понимал, что она права. Да и я понимал.

Главным биологом на Гепте была профессор Вивека Линдквист. Она читала нам всем вводный курс ксенобиологии еще на Земле.. Из курса я запомнил не так уж много. Зато отлично запомнил другое – за каждого напрасно погибшего грифеля она мне лично голову откусит.

– Если вы начнете стрелять, я просто сама напишу на базу, и все расскажу, – продолжила Аня.

Голос у нее был почти такой же, как в девятом классе, когда она пообещала рассказать родителям, что я курю. Я, кстати, тогда бросил.

– Ну ладно, чего ты разошлась, – ответил я. – Никто пока никуда не стреляет. Я вообще предлагаю подождать до завтра. Может быть, завтра они не прилетят. Или мы сумеем их отпугнуть как-то еще. Может, Мика что-то еще придумает. Да, Мика?

Мика неопределенно пожал плечами.

– Хорошо, давайте отложим до завтра, – вздохнула Аня. – Только не надо просто сидеть и ждать! Надо сделать полный анализ жижи. А не просто пару слизней накормить. У меня осталось еще немного. Мика, давай я тебе дам?

– Спасибо, – выдавил из себя Мика.

Мы сидели перед его монитором. Голубой стикер с надписью «ОБРАЗЦЫ – АНЯ» валялся на столе, смятый. Я не стал ничего говорить. Просто переводил взгляд с Ани (негодующей) на Мику (виноватого), а с Мики на свой наручный циферблат. Спать мне оставалось чуть больше шести часов.

В конце концов – написать на базу не так уж и страшно, убеждал я себя. Ничего страшного не случится. Кроме того, что мы перестанем быть самой быстрой и четкой бригадой в ЗАСЛОНЕ.

Уснул я только в четвертом часу, и почти сразу меня разбудил Мика.

– У нас что-нибудь есть на шлеме? Покрытие какое-то особое?

– Что, – я еле ворочал языком, – Есть люминесцентная метка. Эта такая штука, которая светится. Она помогает обнаружить человека с воздуха, даже если...

– Да я знаю, – оборвал меня невежливый Мика.

И насупленно замолчал.

– А ты что спрашивал то? – сказал я, окончательно проснувшись.

– Короче, я пока не уверен на сто процентов. Но это похоже на сверхстимул.

– Что? Какой сверхстимул? Опять ты своих мотивационных тренеров смотрел всю ночь?

– Да нет же. Какие тренеры. У тебя вообще биология в универе была?

Тут я смутился. Биология у меня, конечно, была. Давно, еще на первом курсе. Сдавал я ее, конечно, кое-как, на экзамене даже списывал у Ани. Но про сверхстимулы там точно не было. Или было?

– В общем, чтобы формировалось какое-то поведение, у животных есть стимулы. Например, птица видит разинутый клюв птенца и кладет туда корм. Птенец видит птицу мать с едой и разевает клюв. Но реакция на стимулы у них формируется независимо. Объект сам по себе, а образ объекта – сам по себе. И бывает, что реакция может быть и на что-то другое. Похожее, но другое. Причем, даже сильнее, чем на

привычное. Оно больше похоже на идеальный образ объекта. Понимаешь?

Я ничего не понял, но кивнул.

– Я тебе сейчас на кукушках объясню. Ты же знаешь, что кукушки подбрасывают свои яйца в чужие гнезда. Так вот их яйца обычно крупнее, иногда прямо заметно крупнее. И по цвету они могут отличаться. Но птицы не выбрасывают эти огромные чужие яйца из своих гнезд. Знаешь, почему?

– Почему? – обреченно спросил я.

– Потому что им нравятся крупные яйца. Сидеть на яйце для них – стимул. А сидеть на большом яйце – сверхстимул. То есть у птицы, может, и мелькает мысль, что что-то тут не то. Но сидеть на большом яйце так здорово... Вот, а потом вылупляется кукушонок. Он обычно вылупляется первым и сразу выбрасывает другие яйца из гнезда. Но птица не выбрасывает этого маленького убийцу. А если какие-то птенцы успевают вылупиться, то мать все равно в первую очередь кормит кукушонка. Потому что он крупнее, и клюв у него больше. И пищит он лучше. Для бедной птицы он больше похож на идеальный образ птенца, чем ее родные дети.

– Ну прямо сын маминой подруги, – усмехнулся я.

– Да. И даже умные птицы на это поддаются. Даже вороны иногда поддаются, а они очень умные.

Я кивнул.

– Так вот, похоже наши скафандры для грифельей оказа-

лись таким же сверхстимулом. Это случайно так вышло. Вот они с ума и сходят. Хотят во что бы то ни стало нас накормить.

– Ты имеешь в виду, что они думают, что мы – их дети?

– Вроде того, да.

– А жижа – это еда?

– Да. Поэтому в ней столько сахаров и белков. Очень даже питательная жижа. Маленькие грифели, наверное, растут на ней и крепнут.

– А почему тогда слизни от нее дохли? – коварно спросил я.

Но у Мики и на это был готов ответ.

– Я тут списался с биологами с Южной базы. Они грифелей более подробно изучают. В общем, грифели живут на востоке, там, где повыше. В холмах. Толстых деревьев там мало, они часто гнездятся прямо на земле. Слизни могли у них в гнездах жить, вроде как паразиты. Вот грифели и выработали такой защитный механизм.

– Как выработали? – спросил я, совсем запутавшись.

– Эволюционно.

– Ой. А если они и против нас что-то выработают?

– Да нет же. О пресвятой Чарльз Дарвин! Это все у них тысячелетиями развивалось. Даже, может быть – миллионлетиями. Через мутации и закрепление. Тех грифелей, у которых жижа была ядовитая, слизни меньше мучили. Их потомство лучше выживало. И вообще – лучше устраивалось в

жизни. Вот так это и закрепилось, понимаешь?

Слово «мутация» мне не нравилось, но сил спорить уже не было. Я опустошенно кивнул.

– В общем, я пока не уверен. И ребята с Южной базы тоже не уверены. Но проверить это просто. Надо замотать шлемы от скафандров в непроницаемую пленку. Если я прав, грифели перестанут на них реагировать.

Через полчаса мы опять сидели втроем и заматывали шлемы в пленку.

– Тогда, получается, когда третья птица оставалась с нами, она нас охраняла. Те двое, значит, за едой полетели, а эта тут за порядком следила.

– Охраняла нас от нас самих, – усмехнулся Мика.

– Но ведь здесь были люди и раньше. В феврале геологи были, в июне – ремонтники. На них грифели не реагировали. Интересно, почему? – сказал я задумчиво.

– В феврале у них еще не сезон размножения. Может из-за этого.

– А в июне?

– Я уже проверила по базе, – сказала молчавшая до сих

пор Аня, – в июне у всех были еще старые скафандры, универсалы. Без меток.

– Понятно.

– Я вот что думаю, – продолжила Аня, кромсая резакom новый лист пленки. – А нельзя эту жижу как-нибудь приспособить для защиты от слизней? Собрать ее, чуть разбавить. А потом обработать все по периметру. Может, поможет?

– О пресвятой Дарвин, ты гений! – выпалил Мика.

Я уже приготовился к тому, что Аня ответит ему колкостью. Сам Мика тоже приготовился. Голову немного втянул в плечи, лицо сделал скорбное.

Но Аня внезапно повернулась к нему и сказала очень серьезно:

– Да ладно. Это ведь ты обо всем догадался. Мы без тебя мы бы вообще – пропали. Спасибо!

И Мика, наш едкий и циничный Мика, ужасно смутился от этих слов. Даже резак на стопку пленки уронил.

На следующий день я потратил два часа сорок минут на очистку испачканного накануне модуля от жижи. Извел шесть новеньких губок и моток абразивной бумаги. Но в итоге все получилось, модуль выглядел отлично. И, что гораздо важнее, электричество вырабатывал хорошо.

Вокруг меня работа тоже кипела. Чуть вдалеке от площадки Мика и Аня готовили жижесборник. Его собрали бук-

вально на коленке из одного шлема и алюминиевого кухонного бака. Но грифелям он, похоже, понравился. Двое уже летали над ним, постепенно сужая круги.

Остальные ребята, одетые в три старых скафандрах и десять заклеенных новых скафандров спокойно занимались починкой модулей. Грифели не обращали на них никакого внимания. В общем, Мика оказался во всем прав!

Сначала правда ребята постоянно дергались, задирали головы, но уже через пару часов это прошло. Сейчас даже по их спинам было видно, что они вошли в рабочий ритм.

Я счастливо улыбнулся. У нас еще были шансы успеть в срок.